

ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СДЕРЖИВАНИЯ ПОСЛЕ 2021 г.

В.В. Каберник

ПИР-центр. Москва, ул. Дружинниковская, 30, стр. 1, офис 110.

Статья рассматривает перспективы трансформации системы международного стратегического сдерживания в XXI в., уделяя особое внимание структуре обязывающих соглашений после 2021 г. После истечения срока действия основополагающего договора об ограничении стратегических наступательных вооружений СНВ-3 потребуется выработка новой системы соглашений, причём, возможно, в многосторонних форматах. На этом фоне выдвигается гипотеза о возможности построения новой системы сдерживания на основе единого многостороннего соглашения.

В разделе, посвящённом динамике сокращений, представлена краткая ретроспектива по выполнению основных положений договора СНВ-3. Проведены количественные оценки потенциала сторон, рассмотрены действующие и перспективные программы модернизации наступательных вооружений, проведены оценки перспектив развития ядерной триады.

Далее в статье представлен геопространственный анализ, детально рассматривающий возможности по взаимному сдерживанию на примере трёх-сторонней схемы, включающей в себя в дополнение к подписантам СНВ-3 Китай, Великобританию и Францию, как страны с наиболее значимым ядерным потенциалом. В последующих разделах анализ расширен для учёта факторов ПРО, РСМД, неконвенционального использования пусковых установок ЕвроПРО. Проведена оценка фактора ПРО на выработку будущих соглашений по ограничению стратегических наступательных вооружений. Отдельно проведены количественные оценки потенциалов третьих стран, показана несопоставимость их потенциала в сравнении с двумя основными ядерными державами мира.

На приведённом материале последовательно показана бесперспективность заключения многосторонних соглашений в области стратегического ядерного сдерживания в обозримом будущем, при наблюдаемом разрыве в наступательных потенциалах. Одновременно с этим выдвигаются предложения по поэтапному вовлечению третьих сторон в частные соглашения, призванные сократить общий уровень напряжённости.

В заключение выдвигается ряд предложений по построению многовекторной политики в области стратегического сдерживания для России, которая способна повысить уровень безопасности в Европе, а также на других стратегических направлениях.

Ключевые слова: ядерное оружие, стратегическое сдерживание, международные соглашения, СНВ-3, внешняя оборонная политика, многовекторные отношения, многосторонние договоры.

В 2021 г. прекращается действие договора СНВ-3, который наряду с договорами по РСМД от 1987 г. и режимом ДНЯО составляют основу современной системы сдерживания. На фоне наблюдаемого обострения российско-американских отношений переговорный процесс по продлению действия СНВ-3 – по взаимному согласию сторон действие договора может быть продлено еще на 5 лет – практически заморожен¹. Несмотря на то, что официальные представители МИД РФ высоко оценивают структуру соглашений по СНВ, а также считают неактуальным выход из этого договора в связи с развертыванием систем ПРО США на своей территории и в Европе², независимые эксперты всё чаще высказывают мнение о том, что основные положения СНВ-3 должны быть пересмотрены с учётом меняющихся политических реалий.

В западных публикациях всё чаще высказываются довольно радикальные концепции, берущие свое начало из заявлений президента Обамы в начале его первого срока. Поддерживая идеи о полном отказе от ядерного оружия как средства обеспечения международной стабильности, ряд иностранных экспертов, очевидно, стараются подвести научное обоснование под подобные заявления [14]. Особое внимание при этом уделяется финансово-экономическим проблемам поддержания значительных ядерных арсеналов, высказываются идеи о сокращении классической стратегической триады до «диады» – демонтажу МБР наземного базирования как устаревших. Подспудно предполагается, что Россия, как основной контрагент сдерживания произведет аналогичные сокращения, несмотря на принципиально иную структуру СЯС РФ.

Более глубокие исследования, такие как книга Терезы Делпех, изданная RAND Corporation [13], рассматривают вопрос эволюции схем сдерживания в исторической перспективе. Общий вывод при этом остается прежним: существующая двусторонняя схема сдерживания с развалом СССР устарела и должна быть пересмотрена. Этот тезис обосновывается на самых различных уровнях, включая критику теории игр с нулевой суммой, саму концепцию взаимного гарантированного уничтожения, а также возрастающую опасность международной стабильности при использовании типичного для времен холодной войны подхода ответно-встречного удара.

С подобными заявлениями можно дискутировать по целому ряду основополагающих деталей, но нельзя не согласиться с основным выводом: система взаимного стратегического сдерживания, основанная на ряде соглашений, заключенных между США и СССР, а также Россией в настоящий момент нуждается в перера-

ботке. Одним из подходов к такой переработке является вовлечение в систему сдерживания большего количества участников на основе многосторонних обязывающих соглашений.

Комплекс предложений по пересмотру основополагающих соглашений, обеспечивающих стратегическую стабильность, довольно широк, и традиционно для России включает в себя критику выхода США из договора по ПРО, упоминания о нарушении 13-й статьи договора СНВ-3, проблемы возвратного потенциала, тактического ядерного оружия (ТЯО), размещенного в Европе, а также перспектив возобновления переговоров по ДОВСЕ-2, в настоящее время практически утопичных [5]. Объем настоящей статьи не позволяет рассмотреть эту проблематику в полном объеме. Наибольший интерес, однако, вызывает предложение о вовлечении в договоры об ограничении стратегических наступательных вооружений (далее в тексте СНВ) не только России и США, но и других ядерных государств – «как юридических так и фактических». [5]

Безусловно, вовлечение всех государств, располагающих ядерным оружием, в глобальную систему сдерживания является желательным результатом, и в перспективе могло бы положительно повлиять на укрепление международной стабильности [5]. Однако детальное рассмотрение ядерных потенциалов, равно как и взаимного географического положения ядерных держав, вызывает серьезные сомнения в реализуемости предлагаемой концепции.

В настоящей статье мы сфокусируемся на рассмотрении возможности вовлечения в договоренности по ограничению СНВ дополнительных государств, прежде всего Китая и других государств – членов договора о нераспространении ядерного оружия: Великобритании и Франции.

Динамика сокращений

Статья 2 договора СНВ-3 ограничивает суммарные количества стратегических наступательных вооружений России и США до 700 развернутых носителей (МБР, БРПЛ и стратегических бомбардировщиков) и 1550 боезарядов на развернутых носителях (МИД России, 2010), причём предельный уровень для развернутых и неразвернутых носителей устанавливается в 800 единиц. По оценкам СИПРИ, на момент заключения соглашения по СНВ-3 США располагали примерно 2150 развернутыми боезарядами, а ядерный арсенал России насчитывал около 1800 боезарядов. Отметим, что приведённые цифры отражают оценки лишь развёрнутых боезарядов. В то же время А.Арбатов в своей статье «Много-

¹ В эфире «Первого канала» от 23.03.2015 глава комитета по международным делам К.Косачёв отметил, что «Это значит, что с 2021 года мы можем оказаться в правовом вакууме. И тогда у США не будет ограничителей для перевооружения триады и развития оружия массового поражения.»

² См. например заявления замглавы МИД РФ С.А. Рябкова <http://tass.ru/politika/3279343> http://ria.ru/defense_safety/20160527/1439940628.html (проверено 18.08.2016)

■ Мировая политика

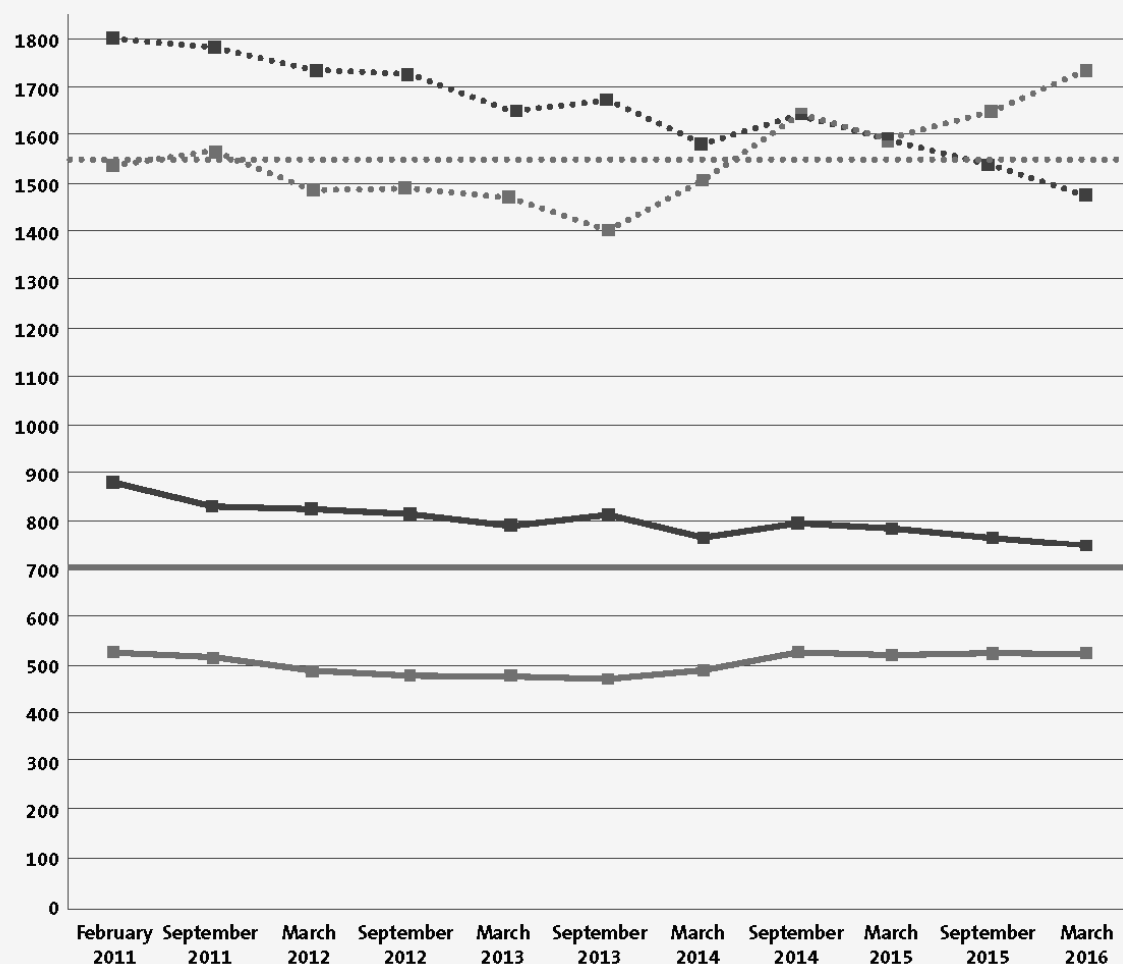
стороннее ядерное разоружение» [1] приводит цифры совсем другого порядка: 11000 и 8500 боезарядов в арсеналах России и США соответственно на начало 2012 г.

Следует отметить, что приводимые А.Арбатовым цифры надо рассматривать с некоторой долей критicismа. Это количество включает в себя не только заскладированные и развернутые боезаряды (включая тактические), но и ожидающие утилизации. По тем же оценкам СИПРИ на 2012 г. число ожидающих утилизации боезарядов для России и США составляло 5500 и 3100 соответственно, что приводит к более реалистичной оценке в 5500 и 5400 боезарядов, готовых к применению в 2012 г. Разница в 100 бое-

зарядов не оказывает существенного влияния на стратегический паритет, особенно с учётом того, что часть этих боезарядов относится к тактическому ядерному оружию (далее в тексте – ТЯО). Тем не менее, даже с учётом приведенной поправки, оценки, сделанные А.Арбатовым в его статье демонстрируют кратное превосходство ядерных арсеналов России и США не только над отдельными государствами, но и над совокупным ядерным арсеналом всех остальных стран мира.

Рассмотрим современное состояние сил сдерживания России и США. По данным, приведенным в статье «Коммерсант Деньги» [8], по состоянию на середину 2016 г. Россия располагает

Таблица I: Число развернутых боезарядов и развернутых носителей согласно обмену данными по Договору СНВ-3

Deployed ICBM/SLBM warheads, heavy bombers

..... U.S.
 Russia
 New START ceiling (Feb. 2018)

Source: U.S. State Department

Deployed Delivery Vehicles

..... U.S.
 Russia
 New START ceiling (Feb. 2018)

(Правообладатель: Ассоциация по контролю над вооружениями, 2016 г.; Источник: Государственный департамент США)

ет 322 развернутыми МБР и 192 развернутыми МБР, а также 76 стратегическими бомбардировщиками. Для США та же статья приводит количества в 450 МБР, 336 БРПЛ и 90 стратегических бомбардировщиков. Данные по СЯС США, приведенные «Коммерсантом» отличаются от статистики, которая приводится в статье, посвященной модернизации американского ядерного арсенала [13] от июня 2016 г., где общий потенциал США оценен в 1750 боезарядов, размещенных на 441 МБР, 288 БРПЛ и 94 стратегических бомбардировщиках. Судя по всему, это вызвано различным подходом к оценке количества развернутых БРПЛ, где заскладированные резервные ракеты с демонтированными боевыми блоками зачтены как оперативно готовые.

Однако, вне зависимости от подхода к оценке, очевидно, что оба государства – подписанта договора СНВ-3 в настоящий момент не вышли на установленные этим соглашением пороги в 700 развернутых носителей и 1550 боезарядов, которые должны быть достигнуты к 2018 г. Экспертами неоднократно указывалось, что если для США данное соглашение является соглашением по сокращению СНВ, то для России оно позволяет увеличить потенциал СЯС для достижения паритета. Именно этот процесс мы и наблюдаем в настоящий момент. Его динамику хорошо иллюстрирует график, приведенный в докладе «Отказ от конфронтации» Комиссии по проблемам глубокого сокращения ядерного оружия [12]:

Этот же график наглядно демонстрирует, что США и Россия избрали различный подход по выходу на установленные договором СНВ-3 пороги. Россия в текущий период практически не увеличивает количество носителей, поддерживая его на стабильном уровне. Это связано с естественным устареванием и снятием с вооружения ряда МБР предыдущих поколений, на смену которым приходят новые образцы с лучшими характеристиками. При этом демонтируемые со снимаемых с вооружения ракет боезаряды до их перехода в статус длительного хранения считаются американской стороной развернутыми, что показано как временное превышение порога по боезарядам, установленным договором.

Статистика по США на приведенном графике не соответствует действительности – число развернутых и резервных боезарядов согласно американским же источникам составляет около 1750 [14]. В то же время видно, что количество носителей в распоряжении США постепенно сокращается, причём в значительной мере это обусловлено их физическим устареванием и выводом из строя.

Показанная динамика по СЯС позволяет утверждать, что к 2018 г. обе стороны договора по СНВ-3 выйдут на согласованные пороги сокращений СНВ. Однако структура СЯС при этом будет существенно различаться. В России основу сил сдерживания составят современные и модернизированные носители с несколькими боезаря-

дами на каждом. В США к 2021 г. большинство носителей будет иметь значительный возраст, что предопределяет необходимость модернизации СЯС. Эта модернизация будет проходить по двум направлениям: увеличение срока службы имеющихся носителей ядерного оружия и разработка новых образцов с улучшенными или принципиально новыми характеристиками.

Согласно опубликованным Ассоциацией по контролю вооружений данным [14], программа увеличения срока службы МБР «Минитмен» подразумевает замену ракетного топлива, системы наведения, боевых блоков и других компонентов ракеты, что в результате позволит принять на вооружение фактически новый образец МБР при сокращении их количества на боевом дежурстве до 400 штук. Программа рассчитана на поддержание на боевом дежурстве таких модернизированных МБР вплоть до 2030 г. с параллельной разработкой МБР нового поколения, которая составит основу наземных сил сдерживания США вплоть до 2070 г.

По тем же данным, программа продления срока службы ПЛАРБ США подразумевает постепенный вывод ракетосцев класса «Огайо» из состава флота с 2021 г. Их должна заменить новая ПЛАРБ, которая войдет в строй в 2031 г. Общий количественный состав ПЛАРБ предполагается сохранять на уровне 12 боеготовых лодок. Основой их арсенала вплоть до 2042 г. предполагается сохранить БРПЛ «Трайдент-2», которая также пройдет модернизацию, связанную с заменой боеголовок и ракетного топлива. Следует ожидать, что программа модернизации также будет включать в себя замену систем наведения, что позволит придать модернизированной ракете новые характеристики.

Принятие на вооружение перспективного стратегического бомбардировщика предполагает производство 100 машин, которые заменят как устаревшие Б-52, в то время как Б-2 планируется сохранить на вооружении вплоть до 2058 г. Однако намного более серьёзную опасность представляет разработка новой крылатой ракеты воздушного базирования для бомбардировочного флота США. Программа LRSO предусматривает производство 1000-1100 ракет до 2060 г. Это количество включает в себя ракеты в ядерном и обычном оснащении.

Рассмотрение опубликованных документов по модернизации СЯС США позволяет выделить опорную дату: 2030 г. Именно к этому моменту на вооружение должны заступить новые ПЛАРБ, МБР и бомбардировщики. Отметим, что к 2030 г. срок действия договора по СНВ-3 в любом случае истекает, что подразумевает заключение нового соглашения, которое будет учитывать перспективные образцы вооружений и их изменившиеся характеристики. В то же время следует выделить период 2026-2030 гг., когда действующие соглашения – даже в случае их продления на 5 лет – не будут ограничивать СНВ сторон, а заключение новых будет еще преждевременным,

■ Мировая политика

поскольку не может учитывать перспективные, еще не состоящие на вооружении платформы. В то же время некоторый оптимизм вызывает то, что согласно опубликованным данным по модернизации СЯС, США не планируют увеличивать количество развернутых боезарядов сверх установленных договором СНВ-3 лимитов даже после 2026 г.

Приведённые данные позволяют сделать следующие выводы:

1. Как США, так и Россия к 2018 г. выйдут на установленные договором СНВ-3 лимиты по количеству носителей и боезарядов, причем для США это будет означать некоторое сокращение ядерного арсенала, в то время как для России – его модернизацию с некоторым увеличением количества носителей;

2. В 2021 г., к моменту прекращения действия СНВ-3, Россия будет обладать в значительной степени модернизированными СЯС, в то время как США только приступят к масштабной модернизации своих СНВ;

3. Модернизация СЯС США, начало которой запланировано на 2020-е гг., позволит принять на вооружение фактически новый класс средств доставки с существенно улучшенными характеристиками, которые могут нарушить складывающийся баланс сил к 2030 г.;

4. Ни Россия, ни США не планируют в настоящее время увеличивать количество развернутых боезарядов и носителей сверх установленных договором СНВ-3 порогов, что позволяет обеспечить паритет по силам сдерживания как минимум на среднесрочную перспективу;

5. Даже в рассмотрении установленных СНВ-3 порогов СЯС как России, так и США кратно превосходят СЯС третьих стран – Китая, Великобритании и Франции – количественно и качественно, причем это превосходство будет сохраняться.

В связи с обозначенным временем начала программы модернизации СЯС США, можно сделать вывод о том, что продление соглашения по СНВ-3 было бы выгодно российской стороне, поскольку будет способствовать сохранению стратегического паритета и обеспечивать необходимый уровень международной стабильности в переходный период до 2030 г. Однако ситуация не столь однозначна. Простое продление договора СНВ-3 создаёт предпосылки к возникновению стратегической неопределенности на период 2026-2030 гг., когда СНВ сторон не будут контролироваться или ограничиваться в мере, необходимой для поддержания адекватного уровня международной стабильности. К 2030 г. США получат практически полностью обновленную ядерную триаду, которая будет обладать принципиально новыми характеристиками. Перспективное соглашение по ограничению СНВ потребует серьезной работы экспертов с тем, чтобы учесть возможности обновленного ядерного потенциала США. При этом нельзя пренебрегать другими факторами: ростом воз-

можностей ПРО, появлением новых видов вооружений стратегического класса, распространением высокоточного оружия и т.п.

Оптимальным вариантом соглашения на промежуточный период 2021-2030 гг. был бы переработанный договор «СНВ-3+», который с одной стороны сохранил бы установленные в действующем договоре пороги, а с другой стороны позволил бы хотя бы в минимальной степени ограничить развитие перспективных носителей и средств доставки. Следует понимать, что такое соглашение может иметь лишь промежуточный статус, и для упрощения процедур его принятия текст договора по СНВ-3 должен быть подвергнут минимальным модификациям в части номенклатуры контролируемых вооружений и пределов возможной модернизации, т.е. соответствующих пунктов статей III и V договора. В качестве достоинств пересмотра номенклатуры можно отметить упрощение контроля по типам носителей в соответствии с п.8 Статьи III договора, которая в современном прочтении включает носители, снятые с вооружения.

Заключение нового соглашения по ограничению СНВ после 2030 г. представляется совершенно неизбежным. При этом в интересах российской стороны сохранение установленных СНВ-3 порогов, в то время как выдвигаемые США предложения о сокращении боезарядов до уровня 1000-1100 в настоящий момент выглядят привлекательно только с точки зрения миролюбивой риторики. Реальный же потенциал обновленных СЯС США еще предстоит оценить, причем не исключено, что предложения о сокращении количества боезарядов проистекают именно от уверенности в повышении эффективности их использования после проведенной модернизации.

Отдельной болезненной для России темой остается вопрос «возвратного потенциала» по боезарядам, где количественное превосходство США может создавать существенные угрозы обеспечению взаимного сдерживания. Согласно официальной статистике Министерства обороны США, по состоянию на сентябрь 2015 г. на вооружении находилось 4571 боезарядов [21]. Таким образом, за срок, прошедший с момента заключения договора СНВ-3, США осуществили утилизацию порядка 830 боезарядов. Ведущий специалист по разоружению Федерации американских ученых Х.Кристенсен при этом отмечает, что за 2015 г. США утилизировали лишь 109 боезарядов, а еще порядка 2300 списанных боеголовок ожидают демонтажа [18]. Это означает, что темпы сокращения ядерного арсенала США резко сократились с приходом в Белый дом администрации Обамы, а наибольшее сокращение стратегических наступательных вооружений произошло еще в период правления Дж.Буша.

Такое снижение динамики сокращений можно объяснить отказом администрации Обамы от программы RRW [14] – создания нового унифицированного ядерного боезаряда, который

должен был применяться на всех стратегических носителях США до 2040-х гг. Отказ от реализации программы в 2008 г. привел к тому, что выводимые из строя в связи с устареванием боезаряды – прежде всего W76, произведенные в 1978-1987 гг. – не утилизируются, а складировались с возможностью продления срока их эксплуатации еще на 30 лет, что подразумевало замену некоторых компонентов. Полученный боезаряд в арсенале СЯС США числится под индексом W76-1 и программа их производства на базе выводимых в резерв длительного хранения боезарядов W76 предусматривает получение 2000 ядерных зарядов к 2019 г [13]. Это количество может использоваться как опорное для оценки возвратного потенциала к моменту прекращения действия договора СНВ-3.

В то же время точно указать количество боезарядов, которое можно отнести к возвратному потенциалу, не представляется возможным. В связи с продолжающейся модернизацией СЯС России и США, снятием с вооружения устаревающих носителей и различиях в методиках подсчета оперативных резервов, количество неразвернутых боезарядов может колебаться в довольно широких пределах. Так, например, оценки количества развернутых боезарядов в России, сделанные Госдепартаментом США, демонстрируют на середину 2016 г. превышение порогов, установленных договором СНВ-3 на 200 штук [12]. Собственно оценки возвратного потенциала, которым располагают СЯС России, в открытых источниках отсутствуют.

Договор СНВ-3 никак не нормирует возвратные потенциалы по ядерным боезарядам, но в то же время можно предположить, что как Россия, так и США сохраняют значительное количество боезарядов в резервах различной степени готовности. Предполагаемое превосходство США по данному параметру связано прежде всего со значительным потенциалом по доразвертыванию боезарядов на уже существующих носителях, где техническая возможность по использованию разделяющихся головных частей позволяет при необходимости увеличить количество развернутых боевых блоков как минимум вдвое [11]. Однако такой диспаритет в процессе модернизации СЯС России постепенно сглаживается. Прежде всего, это связано с постепенной заменой моноблочных МБР РТ-2ПМ «Тополь-М» на РС-24 «Ярс» в оснащении тремя боезарядами, а также поступлением на вооружение новых РПКСН проекта 955 «Борей» с БРПЛ Р-30 «Булава», каждая из которых может нести до 10 боезарядов. При условии выполнения госпрограммы вооружений, к 2020 г. Россия будет иметь техническую возможность разместить на развернутых носителях не менее 3000 боезарядов при установленном договором СНВ-3 лимите в 1550. Таким образом, к 2021 г., когда придет время думать о заключении нового соглашения на смену СНВ-3, проблема превосходства США в части возвратного потенциала

по ядерным боезарядам в значительной степени будет сглажена. Это позволяет надеяться на конструктивный диалог в области дальнейшего регулирования СНВ и укрепление взаимного доверия в этой чувствительной области.

Геопространственный анализ

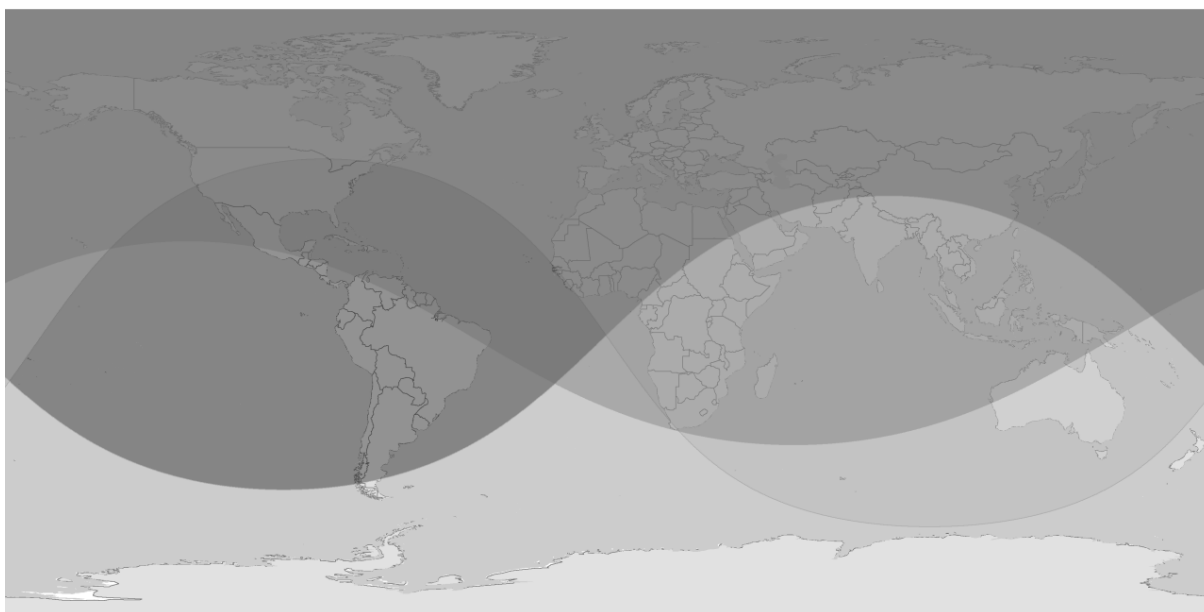
Серьезным недостатком всех оценок, лежащих в основе предложений по вовлечению в соглашения по ядерному сдерживанию третьих сторон, является то, что они предпочитают лишь абсолютным количеством боезарядов и средств доставки. В то же время, решающую роль в сдерживании играет даже не столько качество средств доставки и их выживаемость при преодолении ПВО/ПРО противника, сколько фактор досягаемости территории противника с использованием имеющихся средств.

С момента подписания договора по ОСВ-2 [10] в 1979 г. ни США, ни Россия не обладают потенциалом глобальной досягаемости в первом ударе. Напомним, что согласно положениям этого договора введено ограничение на размещение ядерного оружия в космосе, что в частности привело к снятию с вооружения ракеты Р-36орб, обладавшей глобальной досягаемостью.

Типично высказывается возражение о способности США нанести удар в любой точке планеты, связываемое с инициативой Prompt Global Strike (PGS) – глобального молниеносного удара. Однако эти предположения не выдерживают критики, поскольку концепция PGS предполагает использование имеющихся МБР и/или БРПЛ в неядерном оснащении, а их количество лимитировано соглашением СНВ-3 [9]. Кроме того, их досягаемость также не является в подлинном смысле глобальной и ограничена максимальной дальностью баллистической ракеты. Попытка же переориентировать часть средств доставки на нанесение неядерного удара неизбежно вызывает сокращение развернутых носителей в ядерном оснащении, что ослабляет потенциал ответно-встречного удара и негативно сказывается на эффективном решении задач стратегического сдерживания. Таким образом, до принятия на вооружение перспективных средств доставки, таких как гиперзвуковые крылатые ракеты большой дальности и орбитальные платформы, ни одна страна мира не обладает стратегическим наступательным вооружением с малым – менее часа – временем реакции и глобальной досягаемостью.

Характерная досягаемость наиболее боевых средств доставки ядерного оружия для России и США составляет 10-11 тыс. км, а максимальная дальность МБР в моноблочном оснащении достигает 16 тыс. км. Сходные характеристики дальности имеют перспективные китайские МБР DF-41 и новейшие французские БРПЛ М51. Среди других государств, которые могли бы быть вовлечены в многосторонние соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений, средствами доставки

Схема ракетного покрытия России, США и Китая.

межконтинентальной досягаемости, вероятно, располагает только Израиль. Остальные страны – обладатели ядерного оружия полагаются на средства доставки средней или промежуточной дальности в лучшем случае.

Приведённая выше карта дает наглядное представление о досягаемости МБР с максимальной дальностью 11000 км, запущенной из известного места дислокации в России, США или в Китае. Светлым тоном показана досяга-

емость китайских МБР; темнее – российских; тёмным – ракет США.

Разумеется, данная иллюстрация схематична. В целях наглядности показана досягаемость только для одной точки, в то время как запуск МБР с разных баз приводит также к расширению досягаемости. Кроме того, на этой иллюстрации не отражён потенциал досягаемости БРПЛ, которые могут быть запущены из различных районов патрулирования ПЛАРБ.

Траектории МБР, вид с полюса.

В то же время даже в таком схематичном изображении наглядно видно, что Китай не способен имеющимися МБР поразить значительную часть территории США. США также не могут поражать цели на территории южного Китая без привлечения ПЛАРБ, разворачиваемых вдали от типичных зон патрулирования.

Еще более наглядна иллюстрация, представляющая планету при взгляде со стороны полюса:

Здесь на карту в вертикальной перспективе нанесен набор характерных траекторий МБР, размещенных в известных точках базирования в России, США и Китае без учета возможностей по достигаемости имеющихся МБР³. Карта наглядно иллюстрирует то, что траектории движения МБР при гипотетическом ударе Китая по целям в США неизбежно проходят над территорией России. На этой же иллюстрации видно, что траектории движения МБР из Китая по целям в России во многих случаях сходны с таковыми при гипотетическом ударе Китая по целям в США.

Из приведенного рассмотрения траекторий движения китайских МБР следует важнейший вывод: российская система предупреждения о ракетном нападении (СПРН) не способна с необходимой точностью отличить ракетный удар Китая по США от удара по целям в России. При этом подлетное время китайских МБР при ударе по целям в России крайне невелико, что оставляет очень мало времени для принятия решения об ответно-встречном ударе.

Таким образом, рассмотрение гипотетической ситуации «изолированного» ракетно-ядерного конфликта США и Китая без вовлечения России не выдерживает критики. Россия будет вынуждена реагировать на МБР, движущиеся в направлении ее территории с максимальной оперативностью для сохранения потенциала ответно-встречного удара.

Даже из приведенного простейшего геопространственного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Географическое положение России предопределяет возможности по поражению стратегических целей как в Китае, так и в США на любую глубину;

2. Географическое положение России предопределяет ее уязвимость от атак как из Китая, так и из США, причем возможные атаки из Китая проходят по коротким траекториям и характеризуются крайне малым подлетным временем;

3. Китай – даже в чисто географическом рассмотрении – не имеет в настоящее время возможностей по поражению стратегических целей на всей территории США. Такой потенциал может быть развит в будущем, с началом серийного производства МБР DF-41;

4. США в чисто географическом рассмотрении могут реализовать угрозу уничтожения не

более 50% китайского стратегического потенциала со своей континентальной территории. При этом не затрагиваются южные промышленные районы Китая, Гуаньчжоу, Шеньжень и т.д., а подлетное время оказывается большим при работе на максимальную дальность. В то же время США обладают возможностью поражения целей на любую глубину с использованием БРПЛ при развертывании ПЛАРБ в Тихом океане с некоторым ущербом сдерживанию России;

5. Траектории полета имеющихся и перспективных ракет из Китая по целям в США неизбежно проходят над российской территорией, в связи с чем их несогласованное применение может быть воспринято как атака на СЯС России, что вызовет ответный удар;

6. Траектории полета ракет из Китая по некоторым целям в России могут не вызвать ответного удара со стороны США, поскольку распознаются СПРН как не угрожающие;

Из этого следует, что – даже если пренебречь количественными оценками, приведенными в предыдущем разделе – Китай и США не находятся в полной мере в отношениях взаимного сдерживания. Таким образом, попытки вовлечения Китая в многостороннее соглашение по ограничению стратегических наступательных вооружений не вызовут интереса со стороны китайского правительства.

С другой стороны, Россия, находясь в зоне достигаемости стратегических наступательных вооружений Китая при очень малом подлетном времени по целям в Зауралье, должна быть заинтересована в заключении отдельного двустороннего соглашения с Китаем. Такое соглашение не может предусматривать взаимное сокращение ядерных вооружений, поскольку потенциалы России и Китая в этой области несопоставимы. В то же время подобное соглашение может включать в себя обязывающие пункты о взаимной ненаправленности наступательного потенциала, о сотрудничестве в части обмена данными по мониторингу ракетных запусков и установлению горячей линии между государствами для купирования возможных инцидентов.

Следует заметить, что на фоне отсутствия напряженности в российско-китайских отношениях предлагаемое соглашение может казаться излишним. В то же время, подходы к его заключению должны прорабатываться, поскольку наличие такого обязывающего пакта будет способствовать снижению международной напряженности и увеличению стабильности в регионе.

В приведенном геопространственном анализе не отражена роль стратегических наступательных потенциалов Франции и Великобритании. С точки зрения географии, траектории полета британских и французских БРПЛ отчетливо выделяются от траекторий средств достав-

³ На территории США в качестве возможных целей обозначена база Вандерберг, которая находится на грани достигаемости для китайских МБР.

ки, находящихся в распоряжении Китая и США, и не могут создавать проблем распознавания для СПРН. Проблема британского и французского потенциала в части СНВ, будет дополнительно рассмотрена ниже в соответствующем разделе.

Фактор ПРО

Статья XIV договора СНВ-3 даёт право выхода из него в одностороннем порядке, если сторона считает, что поставлены под угрозу её высшие государственные интересы. Уже в день принятия договора президентом России было сделано заявление относительно противоракетной обороны, в котором, в частности говорится: «Договор между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, подписанный в г. Прага 8 апреля 2010 года, может действовать и быть жизнеспособным только в условиях, когда нет качественного и количественного наращивания возможностей систем противоракетной обороны Соединённых Штатов Америки». [13] Таким образом, российская сторона однозначно увязывает прогресс в развитии систем ПРО с возможностью дальнейшего продления СНВ-3.

Накал дискуссий о ПРО США и степени её влияния на взаимное сдерживание порождает массу противоречивых заявлений. Критики ПРО обычно указывают на высокие темпы производства ракет-перехватчиков и мобильность морских носителей, что может привести к существенному ослаблению потенциала ответного удара России даже при сравнительно невысо-

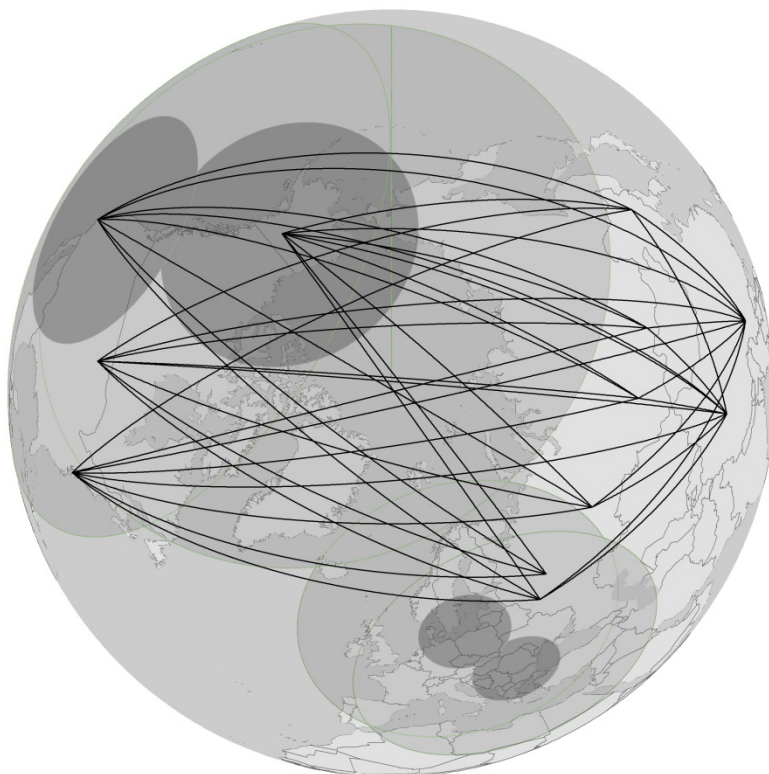
кой вероятности перехвата современных МБР и БРПЛ [6]. «Скептики» ПРО в то же время указывают на не доказанную эффективность средств перехвата против современных баллистических ракет, оснащенных комплексом средств преодоления ПРО, а также на недостаточную глубину выстраиваемой обороны, которая не сможет эффективно парировать ответный удар, и не предотвратит нанесение неприемлемого ущерба [3]. При этом в дискуссиях нередко смешиваются три компонента системы ПРО США: морской, Европейский и Национальный (НПРО США), которые характеризуются принципиально различными параметрами и степенью угрозы силам стратегического сдерживания России.

Рассмотрим проблематику ПРО, проиллюстрировав ее картой, аналогичной той, которую мы использовали в предыдущем разделе:

Здесь на уже знакомые нам характерные траектории движения МБР наложены радиусы досягаемости уже существующих и планируемых стационарных баз размещения перехватчиков ПРО:

- Комплексы Aegis Ashore с перехватчиками Standart SM-3 в Румынии и Польше;
- Элементы НПРО с перехватчиками GBI на Аляске и базе Вандерберг в Калифорнии.

На иллюстрации в европейской части более тёмным цветом показан радиус поражения баллистических целей при использовании перехватчиков SM-3 Block IB. Более светлым оттенком выделен радиус поражения при использовании перспективных перехватчиков SM-3 Block IIA/B. Следует отметить, что такой же радиус поражения будут иметь и крылатые ракеты класса

«Томагавк», если они – **в нарушение договора по РСМД** – будут размещены в тех же точках базирования, о технической возможности чего часто упоминают критики ЕвроПРО.

Для НПРО тёмным цветом выделен радиус поражения 2500 км, заявленный для перехватчиков GBI. Оттенок светлее демонстрирует радиус перехвата в 5000 км, который может быть достигнут при использовании перспективных перехватчиков НПРО на встречных курсах.

Мы намеренно не отразили на схеме возможные места размещения морской компоненты ПРО. Даже поверхностное рассмотрение траекторий позволяет убедиться, что для эффективного использования морской ПРО против МБР, двигающимся по характерным полярным траекториям потребуется вывод кораблей-носителей системы в высокие широты севернее Исландии и далее в Северный Ледовитый Океан. Такое развертывание морской компоненты требует поддержки ледокольного флота и находится на грани возможностей имеющихся морских платформ ПРО в части мореплавания в полярных широтах. Тем не менее, такой вариант развертывания нельзя исключить, хотя он и не имеет шансов остаться незамеченным.

Приведенная иллюстрация наглядно демонстрирует, что ЕвроПРО в её существующем виде не представляет никакой угрозы для СЯС России при нанесении удара по целям в США. Единственная траектория, которая находится в теоретическом радиусе досягаемости ракет-перехватчиков, планируемых к размещению в Польше, подразумевает перехват на догонном курсе, резко снижающем эффективность противоракет. Косвенно безвредность ЕвроПРО подтверждается заявлением замглавы МИД РФ С.А. Рябкова, который в мае текущего года отметил неактуальность выхода из договора СНВ-3 в связи с размещением ПРО США в Европе⁴.

В то же время, как видно из приведенной выше иллюстрации, оснащение баз ЕвроПРО перспективными перехватчиками способно создавать некоторую угрозу для нанесения ответного удара из мест дислокации МБР в европейской части России. При этом следует отметить, что перехват МБР и в этом случае будет осуществляться на догонных курсах, что снижает эффективный радиус поражения.

Иначе дело обстоит с комплексами НПРО, размещаемыми на Аляске и базе Вандерберг в Калифорнии. На иллюстрации видно, что при заявленных дальностях досягаемости при перехвате боевого блока обеспечивается сравнительно надежное прикрытие объектов на Западном Побережье США. Однако всю территорию США НПРО в её существующем виде прикрыть не может. Теоретические возможности перехвата могут быть обеспечены после модернизации

системы и доведения эффективной дальности поражения до 5000 км. Отметим, что эта же дальность является пороговой для БРСД согласно договору по РСМД от 1987 г., и соответствующие зоны поражения на карте позволяют оценить потенциал двойного использования пусковых установок НПРО.

В то же время опасность НПРО в части предотвращения эффективного встречного удара также преувеличена. Существующие планы развертывания перехватчиков GBI подразумевают размещение 40 ракет на базе в Аляске, а база Вандерберг используется преимущественно для испытаний. Используемый алгоритм перехвата подразумевает пуск двух перехватчиков по одной цели для достижения приемлемой вероятности поражения. Даже если предположить, что комплекс средств преодоления ПРО российских МБР и БРПЛ окажется беспомощным против перехватчиков GBI, при стопроцентной эффективности НПРО может быть перехвачено не более 20 МБР/БРПЛ. Такое число не имеет значения при массированном ответном ударе, поскольку ракеты, прорвавшие пояс НПРО в любом случае нанесут неприемлемый ущерб противнику.

Одновременно с этим система НПРО подвергается критике в самих США. В докладе Счётной палаты США указывается, что «Наземная система противоракетной обороны на маршевом участке полета (НСПО) продемонстрировала частичную способность борьбы против малого числа простейших баллистических ракет, запущенных из Северной Кореи и Ирана»⁵. Приведённый выше геопроостранственный анализ при этом показывает, что т.н. «иранские ракеты» не могут угрожать континентальным США просто по причине недостаточной досягаемости. Тот же комментарий, – хотя и в меньшей степени, – относится и к северокорейским ракетам. Единственная территория США, теоретически находящаяся в радиусе досягаемости северокорейских ракет промежуточной дальности (пока еще не доказавших свою надежность) – Аляска. При этом траектория полета гипотетических северокорейских ракет – как и китайских – неизбежно проходит над Японией и Дальним Востоком России, что, несомненно, вызовет немедленную реакцию этих государств на запуск. Таким образом, утверждения о том, что НПРО предназначена для прикрытия континентальных США от «иранских и северокорейских ракет» следует признать заведомой дезинформацией, рассчитанной на публику, не знакомую с основами географии.

Выводы:

1. Европейская наземная ПРО в ее современном состоянии не представляет угрозы для МБР России или Китая, использующихся для

⁴ Цитируется по интервью С.А. Рябкова. URL: <http://tass.ru/politika/3279343> (проверено 18.08.2016 г.)

⁵ Цит. по Коростиков М. Противоракетная оборона США оставляет желать лучшего // Коммерсант. 18.02.2016. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2918916> (проверено 18.08.2016 г.).

■ Мировая политика

поражения целей в континентальных США, поскольку не затрагивает траектории даже самых западных районов запуска;

2. Европейская ПРО в оснащении перспективными ракетами оказывает незначительное влияние на эффективность ракетного удара по территории США, производимого из Китая или России. Перехват МБР должен производиться на догонных курсах, либо на курсовых углах, что значительно сокращает зону эффективного поражения целей. Европейская ПРО даже в её перспективном варианте не представляет угрозы для МБР, размещенных восточнее Урала;

3. Система НПРО с перехватчиками GBI, размещенная на Аляске и в Калифорнии, теоретически эффективна для прикрытия Западного побережья США от МБР, приближающихся через полюс из Китая или России, особенно из Сибири. В то же время, буферность этой системы ПРО в современном состоянии недостаточна для надежного предотвращения ответного удара, а способности по прикрытию объектов на Восточном побережье под вопросом.

Фактор ПРО, как видно из приведенного анализа, в его современной фазе развития оказывает некоторое влияние на баланс СЯС США и России – равно как и другие рассматриваемые факторы. В среднесрочной перспективе влияние ПРО на создаваемую систему сдерживания будет расти, и этот фактор должен учитываться при подготовке перспективных соглашений.

В то же время, рассматривая фактор ПРО в свете перспектив заключения многосторонних договоренностей в части взаимного сдерживания, можно утверждать, что НПРО создает больше угроз потенциалу СНВ Китая, а не России. Действительно, прикрываемые зоны Западного Побережья США полностью совпадают с характерной зоной досягаемости китайских МБР. С учетом сохраняющегося пока отставания Китая в области ракетных технологий и неизвестной эффективности комплекса средств преодоления ПРО китайского производства, разрушительный потенциал китайского ответного удара может быть минимизирован перехватчиками НПРО.

Основанное на этом тезисе вовлечение китайской стороны в будущие соглашения по ограничению ПРО может вызвать заинтересованность в многосторонней структуре соглашения. В то же время, подобные предложения требуют серьезной работы на дипломатическом фронте, и неизбежно будут встречать значительное сопротивление со стороны США.

РСМД и неконвенциональное использование ПУ ПРО

Независимые эксперты часто обращают внимание на три фактора, связанных с развертыванием глобальной ПРО США:

1. Пусковые установки Mk.41, используемые в комплексе Aegis Ashore пояса ЕвроПРО технически способны к запуску крылатых ракет

«Томагавк», что позволяет использовать их как наступательные вооружения;

2. Шахтные пусковые установки НПРО, использующие перехватчики GBI могут быть переоборудованы для запуска БРСД (но не МБР) и не регулируются соглашениями об ограничении СНВ;

3. Энергетический потенциал ракет-перехватчиков ЕвроПРО и НПРО достаточен для их использования в качестве БРСД для нанесения первого удара при их оснащении ядерными боевыми частями.

С приведёнными опасениями нельзя не согласиться с технической точки зрения. Однако они не выдерживают критики с точки зрения режима контроля РСМД, который в его нынешнем состоянии является бессрочным. Размещение крылатых ракет и ракет средней дальности в пусковых установках, используемых в интересах ПРО, либо в любых других форматах, является прямым нарушением статей договора по РСМД.

В последнее время США и Россия все чаще обвиняют друг друга в нарушении этого основополагающего для современной международной стабильности соглашения. Иллюстрация досягаемости БРСД и КР в рассмотрении данной проблемы является излишней, но опорные радиусы досягаемости можно увидеть на карте из предыдущего раздела. Даже поверхностный взгляд на зоны поражения дает понять, что БРСД и КР при их характерных дальностях наибольшую угрозу представляют в Европе. При сохраняющейся асимметрии потенциалов в пользу блока НАТО, выход России из РСМД угрожает развязыванием новой гонки вооружений в Европе, которая окажется куда более ресурсоемкой для нашей страны, чем для США.

Крайняя заинтересованность России и Европы в поддержании бессрочного статуса режима РСМД создает возможность по вовлечению в него других европейских государств – обладателей ядерного оружия, прежде всего Франции и Великобритании. Здесь, вероятно, следует в полной мере использовать тезис о том, что располагаемый потенциал СНВ этих европейских государств уже длительное время опирается на ракеты межконтинентальной досягаемости, а сохранение или производство ракет средней дальности как части средств сдерживания не предусмотрено программами развития стратегических вооружений. Вовлечение в договор по РСМД государств Европы, включая те из них, которые не обладают ядерным оружием, будет способствовать серьезному упрочнению этого выгодного для России договора и создадут также препятствие для развития национальных программ производства ядерного оружия и средств доставки. В то же время совершенно очевидно, что расширение участия в договоре по РСМД будет наталкиваться на агрессивную риторику стран – членов НАТО о российской угрозе. Такая риторика, впрочем, не имеет под собой рациональных оснований, особенно в свете

отсутствия БРСД на вооружении большинства стран Европы.

В 2007 г. Москва на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН вышла с инициативой придать Договору по РСМД глобальный охват и заключить на его основе новое многостороннее соглашение, причём Вашингтон поддержал эту инициативу. В июле 2014 г. МИД РФ призвал страны НАТО придать договору многосторонний характер.

К сожалению, расширение режима РСМД до уровня глобального соглашения по образцу ДНЯО в обозримой перспективе невозможно. Потенциал СНВ Индии, Пакистана, Китая и других государств «второго ядерного эшелона» опирается на ракеты средней и промежуточной дальности в значительной степени. Тем не менее, придание договору по РСМД даже общеевропейского статуса окажет самое положительное влияние на укрепление международной стабильности. В перспективный общеевропейский договор по РСМД можно также включить статью, запрещающую использование пусковых установок и мест базирования ПРО для размещения наступательного оружия, что снимет часть опасений российской стороны по возможности их использования для нанесения первого удара.

Создание предпосылок для расширения договора по РСМД до общеевропейского потребует снижения общего уровня напряженности и тщательного соблюдения основных положений уже существующего соглашения во избежание любых провокаций, которые – пока на уровне громких и необоснованных заявлений – наблюдаются всё чаще. В ближайшей перспективе падение уровня напряженности выглядит маловероятным, но это не означает, что работу в этом направлении следует заранее признать бесперспективной. Отметим, что оптимальным путем вовлечения государств Европы в подобное соглашение является последовательное проведение многовекторной политики с заключением двусторонних соглашений на первом этапе и созданием возможности добровольного присоединения к ним других государств на добровольной основе. Для России выход из Договора по РСМД является неприемлемым, особенно в свете приближения возможных районов размещения БРСД, например, в Прибалтику и сокращением подлётного времени до единиц минут [3].

Третьи страны

Эксперты отдельно отмечают роль британского ядерного потенциала, который не ограничен обязывающими договорами, включая СНВ-3, и может использоваться как лазейка для обхода условий этого договора [2]. Кроме того, британский арсенал включен в систему ядерного планирования США с 1962 г. и может рассматриваться как дополнение к американскому арсеналу носителей и боезарядов, не связанный ограничениями и обладающим существенно

меньшим подлетным временем в сравнении с американскими средствами доставки. Попытки российской дипломатии учитывать британский ядерный арсенал в рамках соглашений по ограничению СНВ неизменно наталкиваются на сопротивление Госдепартамента США, указывающего на независимый характер британской оборонной политики.

Однако британский независимый потенциал СНВ ограничивается внутривнутриполитическими причинами. Так, с 2010 г. общее количество боеготовых боезарядов – развернутых и неразвернутых – в Великобритании ограничено 160 с потенциалом дальнейшего сокращения до 120 а количество боезарядов на БРПЛ ограничено 8 из возможных 16. Из имеющихся в распоряжении Великобритании 58 БРПЛ только 48 поддерживаются в готовности к применению, а оставшиеся 10 составляют возвратный потенциал.

С учетом устаревания БРПЛ «Трайидент-2» британский ядерный арсенал в ближней перспективе будет сокращаться. В настоящее время сложно предсказать, каким будет обновленный ядерный потенциал Великобритании, но можно уверенно прогнозировать, что он существенно не увеличится по внутривнутриполитическим и внутризэкономическим причинам.

Скользким моментом в части оценки перспективного потенциала СНВ Великобритании является соблюдение статьи XIII договора по СНВ-3, которая, в частности, гласит: «Стороны не передают третьим сторонам стратегические наступательные вооружения, подпадающие под действие настоящего Договора.» В то же время, в перечне вооружений, подпадающих под действие соглашения не указана и не могла быть указана перспективная БРПЛ, находящаяся в разработке в США. Таким образом, формально договор ограничивает передачу Великобритании дополнительных БРПЛ «Трайидент», а не вновь создаваемых средств доставки.

В связи с высоким потенциалом по созданию международной напряженности, связанным с передачей Великобритании перспективных СНВ в нарушение договора СНВ-3, можно предположить, что этот вопрос будет в среднесрочной перспективе отложен. Вместо этого США, вероятно, будут оказывать скрытое или явное содействие Великобритании с тем, чтобы продлить сроки эксплуатации уже имеющихся БРПЛ. Проводя сотрудничество по этой линии, США будут очевидным образом ссылаться на другое положение той же статьи XIII договора по СНВ-3: «Настоящее положение не распространяется на какую бы то ни было существующую на момент подписания настоящего Договора практику сотрудничества, включая обязательство, в области стратегических наступательных вооружений между одной из Сторон и третьим государством.» Таким образом, со ссылкой на уже имеющиеся соглашения о сотрудничестве в области СНВ между США и Великобританией, британский ядерный потенциал будет и далее

■ Мировая политика

выводиться за рамки СНВ-3 или перспективного соглашения в этой области. По крайней мере, такой будет позиция США в любой обозримой перспективе.

Перспективы заключения двустороннего соглашения об ограничении ядерных вооружений между Россией и Великобританией следует признать маловероятными. В обозримом будущем Великобритания не готова отказываться от ядерного оружия и средств его доставки, и оно очевидным образом нацелено на Россию (а также, возможно, некоторые единичные цели в Китае, по которым британские средства доставки имеют лучшие характеристики досягаемости в сравнении с американскими). При этом, как и в случае с Китаем, гипотетическое двустороннее соглашение об ограничении СНВ между Россией и Великобританией наталкивается на несопоставимость ядерных потенциалов сторон в количественном измерении.

Независимый потенциал СНВ Франции с марта 2008 г. ограничен 290 боезарядами, из которых 30% - 90 боезарядов – находятся в распоряжении ВВС Франции. Потенциал СНВ Франции, находящийся в постоянной готовности, представлен тремя ПЛАРБ, каждая из которых несёт на борту до 16 БРПЛ М45 с перспективой переоснащения на БРПЛ М51 к 2018 г. Из трёх ПЛАРБ одна постоянно находится на патрулировании. В реальности это правило не выдерживается, поскольку ПЛАРБ *Le Vigilant* с 2011 г. проходит модернизацию. БРПЛ М45 может нести до шести боезарядов и обладает дальностью около 6000 км, то есть является ракетой промежуточной дальности, лишь на 1000 км превосходя критерии БРСД, установленные договором по РСМД 1987 г.

Остальная часть боеготового ядерного арсенала Франции опирается на средства доставки ВВС, в первую очередь ракеты ASMP-A с дальностью порядка 500 км. Такая дальность не позволяет считать авиационную компоненту французских ядерных сил в полной мере стратегической. Носителями ракеты ASMP-A в настоящее время являются истребители-бомбардировщики *Mirage 2000N* и *Rafale N* с боевым радиусом не более 2000 км. Таким образом, совокупная дальность поражения целей с использованием ядерного оружия для ВВС Франции ограничивается 2500 км, что примерно соответствует дальности КРМБ «Томагавк». Подлётное время при этом исчисляется уже часами, что не даёт оснований рассматривать ядерную компоненту ВВС Франции в качестве эффективного средства первого удара.

Таким образом, СНВ Франции представлены не более чем 96 постоянно готовых к применению на промежуточную дальность боезарядов, размещённых на носителях с малым подлётным временем. В радиусе поражения имеющихся средств доставки стратегического класса находится европейская часть России, Урал, Восточное побережье США, но не Китай.

Из этого следует, что вовлечение Франции в многосторонние соглашения по ограничению СНВ выглядит маловероятным по чисто географическим причинам, даже если отбросить неоднократно уже упомянутую проблему несопоставимости ядерных потенциалов.

Тем не менее, поскольку концепция ядерного сдерживания Франции в высокой степени независима, сохраняются хорошие шансы на заключение двусторонних соглашений. В настоящий момент действует рамочное соглашение о взаимном ненацеливании ракетно-ядерных сил России и Франции на территории друг друга, а в 2012 г. на экспертной площадке РИСИ выдвигалось предложение о взаимном неприменении ядерного оружия первыми [7].

Двусторонний диалог между Россией и Францией в области сокращения СНВ при благоприятном его развитии может создать предпосылки к вовлечению в такие переговоры и других государств Европы. Увязывание такого диалога с предложенным выше расширением соглашения по РСМД до общеевропейского может создать хорошую основу для снижения напряжённости в европейском регионе и предпосылки для дальнейших договоренностей в части ПРО, тактического ядерного оружия в Европе и т.д.

Рассмотрение потенциала СНВ иных третьих стран, располагающих ядерным оружием и средствами доставки с малым временем реакции, выходит за рамки данной статьи, поскольку в настоящее время ни одна из них (за исключением, возможно, Израиля) не создает стратегической угрозы для России. Здесь оптимальным будет содействие установлению регулируемого и надежного режима взаимного сдерживания в отдельных регионах: треугольнике Китай-Индия-Пакистан, на Ближнем Востоке и на Корейском полуострове. Россия может выступать посредником и инициатором переговоров по таким соглашениям, а также взять на себя роль гаранта обеспечения стратегической стабильности. Однако такие договоренности являются скорее делом будущего и выходят за рамки рассматриваемой перспективы первоочередных шагов по установлению новых схем сдерживания.

* * *

Поддержание стратегической стабильности и эффективное сдерживание в современном мире обходятся недёшево. По данным, приведённым изданием «Коммерсант Деньги» [8], содержание одной ядерной боеголовки обходится США в \$1.8 млн ежегодно. По различным оценкам Россия каждый год расходует на поддержание ядерного арсенала \$10-15 млрд. На фоне растущего уровня международной напряжённости и продолжающейся стагнации в экономике России повышение расходов на содержание российских СЯС – несмотря на то, что эта задача остается первоочередным приоритетом развития вооруженных сил России – едва ли можно считать оптимальным вариантом

развития системы стратегического сдерживания в среднесрочной перспективе. Поэтому раздающиеся иногда призывы выйти из ряда основополагающих международных соглашений, резко нарастить ядерный арсенал,кратно увеличить производство носителей СНВ и им подобные, в рамках данного рассмотрения следует считать как минимум несвоевременными.

Проведённое рассмотрение возможностей по совершенствованию системы сдерживающих соглашений проведено в свете анализа перспектив расширения круга участников, что придаст системе международного сдерживания больший уровень стабильности. Представляется, что такой подход необходим на фоне снижающейся роли Совета Безопасности ООН и общего снижения роли международных институтов по поддержанию мира. Как результат, предложение к вовлечению в обязывающие договоры по сокращению или ограничению СНВ, высказанное Советом Безопасности ООН, либо на Генеральной Ассамблее – как это уже было в 2007 г. по режиму РСМД – не вызовет интереса и не имеет серьёзной перспективы превратиться в обязывающий договор.

Рассматривая основополагающий на сегодняшний день договор о взаимном сокращении стратегических наступательных вооружений, СНВ-3, следует признать невозможность вовлечения в него третьих сторон. Даже если пренебречь оценкой совокупного ядерного арсенала сторон этого соглашения, уже установленные лимиты сокращений являются в обозримой перспективе недостижимыми для любого из третьих государств как по боезарядам, так и по средствам доставки.

Для России и США договор СНВ-3, как показано в проведенном анализе, является важнейшим ориентиром по поддержанию стратегического паритета. Трудно не согласиться с замглавы МИД РФ С.Рябковым, который отмечает, что «Текст СНВ-3 действительно отражает баланс интересов, строгий паритет».⁶ В то же время СНВ-3 истекает в 2021 г., и именно на этот год запланировано начало реализации программы модернизации СЯС США, которая может существенно изменить складывающийся к 2018 г. паритет не в пользу России. В этом свете перед Россией стоит выбор: согласиться ли на продление договора СНВ-3 на 5 лет, до 2026 г., либо отказаться от предлагаемого продления. Этот выбор не так прост, как может показаться.

С одной стороны, договор СНВ-3 уже несколько устарел и подвергается обоснованной критике. Среди критических точек можно отметить упомянутую выше проблему возвратного потенциала, отсутствие в договоре лимитов по общему количеству неразвернутых боезарядов, непростую ситуацию по увязыванию количества носителей с эффективностью развёртываемой ПРО, проблему независимых потенциалов

третьих стран, вопросы контроля уничтожения носителей, не соответствующую современной обстановке номенклатуру носителей и другие. Изменение текста договора, либо принятие нового соглашения, которое могло бы ограничить пути модернизации СЯС США после 2020 г. – в интересах России. Такой переходный договор, мог бы включить в себя меры по контролю пусковых установок двойного назначения, обязывающие пункты по технической модификации разделяющихся головных частей и шахтных пусковых установок, которые сделали бы технически невозможным быстрое наращивание количества боезарядов. Подобные пункты могли бы снять значительную часть опасений российской стороны.

С другой стороны, СНВ-3 устанавливает ясные и простые для исполнения лимиты по развёрнутым носителям и боезарядам, которые сохраняют свою актуальность и в будущем. Ядро этого соглашения останется основой для регулирования стратегических наступательных вооружений. Чрезмерное усложнение структуры договора, внесение в него дополнительных пунктов, связанных с мерами контроля, учета оборонительного потенциала ПРО и других факторов видится нежелательным, а согласование этих пунктов займет значительное время при очевидном сопротивлении американской стороны.

Оптимальным путём представляется продление срока действия СНВ 3 до 2026 г. с параллельной его незначительной модификацией в части номенклатуры учитываемых вооружений, формулировками Статьи XIII и расширением Статьи V. Одновременно с продлением действия договора, уже с 2021 г. требуется начать работу над новым соглашением, которое заменит СНВ-3. Данное соглашение должно носить промежуточный характер и основной целью его заключения является преодоление проблемы «вакуума» в регулировании СНВ в период до 2030-2035 г. В дальнейшем, после экспертной оценки стратегического потенциала СЯС США после модернизации 2020-2030 гг. потребуются заключение нового соглашения, учитывающего изменившиеся балансы сил и, вероятно, новые виды стратегических вооружений. Установленные в СНВ-3 лимиты при этом должны остаться неизменными, так как даже без учёта увеличения потенциала модернизированной ядерной триады США дальнейшее сокращение СНВ России может привести к неспособности осуществлять эффективное сдерживание, которое для нашей страны должно оставаться многовекторным. К сожалению, в настоящий момент нет никаких оснований полагать, что это перспективное соглашение сможет стать многосторонним, поскольку потенциал в части СНВ США и России и в будущем будеткратно превосходить потенциалы третьих стран.

⁶ Цит. по тексту интервью. URL: <http://tass.ru/politika/2646469> (проверено 18.08.2016 г.)

■ Мировая политика

Географическое положение России в то же время предполагает заключение отдельных двусторонних соглашений с третьими сторонами, прежде всего с Китаем. Здесь следует понимать, что речь не может идти о многосторонних договорах, но взамен должна проводиться активная многовекторная политика в области региональной безопасности на различных направлениях. Не может идти и речи о взаимном сокращении СНВ с третьими странами, поскольку сравнительный наступательный потенциал останется несопоставимым. Однако могут быть предприняты меры по укреплению доверия, связанные с заключением соглашений о взаимной ненаправленности ядерных потенциалов и обязательств по неприменению ядерного оружия первыми. Адресатами подобных соглашений могут стать Китай, Индия, Израиль и Франция. Создание простого и ясного корпуса соглашения позволит в дальнейшем предлагать его другим странам. Распространение такой многовекторной практики в различных регионах позволит серьёзно укрепить стратегическую стабильность и создать предпосылки для выработки многостороннего договора в будущем.

Проблематика ПРО остаётся болезненной для России, и следует признать, что её увязывание с пунктами СНВ-3 или «будущего СНВ» бесперспективно. Тема противоракетной обороны должна регулироваться отдельным соглашением, предусматривающим взаимные сокращения и ограничения позиционных районов. Как было показано выше, в связи с географическим положением и спецификой своих СНВ, в работу над обязывающим договором по ограничению ПРО можно вовлекать Китай. Привлекательность многосторонней (изначально – трехсторонней) схемы регулирования ПРО в том, что подобный договор допускает открытость, что позволит в дальнейшем стимулировать присоединение к нему новых государств, в первую очередь членов «ядерного клуба» в Европе. Однако подходы к выработке такого соглашения остаются делом будущего, поскольку всё ещё сохраняется заметная асимметрия в количестве и возможностях противоракетной обороны сторон. Выход на со-

глашение по ПРО может быть простимулирован путём предложения на международных рынках вооружений серийно производящегося российского (или российско-китайского) мобильного комплекса ПРО и развитием двусторонних консультаций по коллективной противоракетной обороне на азиатском направлении.

Предложение по расширению режима РСМД до глобального открытого договора, прозвучавшее на 62-й Генеральной Ассамблее ООН в 2007 г. следует признать преждевременным. В то же время выше было показано, что заинтересованность в расширении членства в этом соглашении могут проявить европейские государства, располагающие ядерным оружием межконтинентальной досягаемости, в первую очередь Великобритания и Франция. Расширение договора по РСМД до общеевропейского выглядит более реалистичной задачей в сравнении с попытками придать ему глобальный охват. Оптимальным форматом работы на этом направлении могло бы стать сотрудничество по линии ОБСЕ, но в настоящее время по ряду политических причин его следует признать неэффективным. Альтернативой могла бы снова стать многовекторная политика России, предлагающая сначала серию двусторонних соглашений отдельным государствам на основании гармонизированного корпуса договора. В дальнейшем такой «пучок» соглашений может быть трансформирован в многосторонний общеевропейский договор.

Укрепление стабильности в Европе требует также заключения дополнительного соглашения по ограничению обычных вооруженных сил, учитывающее проблему тактического ядерного оружия, превосходство НАТО в высокоточном оружии. Речь здесь не может идти о новом ДОВСЕ, положения которого на сегодняшний день безнадежно устарели, а подход к ограничениям численности видов вооружений ни в коей мере не отражает характера возможных конфликтов в Европе. Определение граничных условий такого перспективного соглашения потребует глубокой и длительной экспертной работы и его рассмотрение выходит за рамки данной статьи.

Список литературы

1. Арбатов А.Г. Многостороннее ядерное разоружение // Независимое военное обозрение. 25 05. 2012. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2012-05-25/1_nuclear.html. (проверенно 18. 08. 2016 г.)
2. Вильданов М.П. Неравноправное партнерство // Независимое военное обозрение. 22 04 2016 г. URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2016-04-22/1_partnership.html. (проверенно 18. 08. 2016 г.)
3. Дворкин В.А. Ядерный психоз: кому он нужен? Сценарии нападения НАТО на Россию и наоборот – полный абсурд // Военно-промышленный курьер. 29 07 2015 г. № 28 (594). URL: <http://vpk-news.ru/articles/26289> (проверенно 18. 08. 2016 г.)
4. Козин В.П. Ключевые проблемы (СНВ, ТЯО, ПРО, ДОВСЕ) // Аналитика РИСИ. 22 01 2014 г. URL: <http://riss.ru/analytics/4702/> (проверенно 18. 08. 2016 г.)
5. Козин В.П. Анаконда ПРО США // Сегодня.ру. 19 08 2015 г. URL: <http://www.segodnia.ru/content/165225> (проверенно 18. 08. 2016 г.)

6. Козин В.П. Москва и Париж: взаимный отказ от первого ядерного удара // Независимое военное обозрение. 02 04 2012 г. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2012-03-30/7_msk_paris.html (проверенно 18. 08. 2016 г.)
7. Новая нестабильность // Коммерсантъ Деньги. 16.05.2016. №19. С. 53. URL: <http://kommersant.ru/doc/2978917> (проверенно 18. 08. 2016 г.)
8. Остроухов И., Сосновский М., Дьяченко В. В. Эффективность ядерных сил надо повысить // Национальная оборона. 2016. № 7. URL: <http://www.nationaldefense.ru/includes/periodics/armedforces/2014/1017/145314357/detail.shtml> (проверенно 18. 08. 2016 г.)
9. Отказ от конфронтации. Возвращение к сдержанности и диалогу между Россией и Западом / Комиссия по проблемам глубокого сокращения ядерного оружия. Институт исследований проблем мира и политики безопасности при Гамбургском университете, 2016. URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/events/2016/DeepCuts-ThirdReport-June2016-RZ_RUS.pdf (проверенно 18. 08. 2016 г.)
10. Заявление Российской Федерации относительно противоракетной обороны // Сайт Президента РФ, 2010 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/511> (проверенно 18. 08. 2016 г.)
11. Civiak R. The Reliable Replacement Warhead Program. Livermore: Tri-Valley CAREs, 2006. 30 p. URL: http://www.trivalleycares.org/tvc_rrw_fnl.pdf (проверенно 18. 08. 2016 г.)
12. Delpech Th. Nuclear Deterrence in the 21st Century. Santa Monica : RAND Corporation, 2012. 181 p. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2012/RAND_MG1103.pdf (проверенно 18. 08. 2016 г.)
13. Kaplan F. Rethinking Nuclear Policy // Foreign Affairs. September/October 2016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2016-08-01/rethinking-nuclear-policy> (проверенно 01. 09. 2016 г.)

Об авторе

Каберник Виталий Владимирович – Член Рабочей группы при ЭКС Пир-Центра по международной информационной безопасности и глобальному управлению. E-mail: vic.veter@gmail.com.

Статья подготовлена в рамках гранта РНФ №14-18-02973.

APPROACHES TO BUILDING OF GLOBAL STRATEGIC DETERRENCE SYSTEM PAST 2021

V.V. Kabernik

PIR Center. Druzhinnikovskaya str., 30, p. 1, office 110.

Abstract: *The article studies prospective for transformation of the current global deterrence system in 21st century, paying special attention to the structures of treaties past 2021. After the mainstay arms control treaty (New START) expiration development of the new system of treaties and agreements seems inevitable, quite possibly, on multilateral basis. The hypothesis stressing possibility of multilateral deterrence system for global stability is quite popular nowadays.*

Studying the dynamics of nuclear arms cuts and monitoring progress on New START treaty, we can see numerous positive effects. However, the nuclear modernization programs currently in progress or planned for the near future should be taken into account for future agreements.

This is when geospatial analysis is important, demonstrating effectively which states are deterring each other and for which ones this is simply impossible because of the available weapons delivery range. This analysis is performed for three possible candidates for future multilateral treaties: USA, Russia and China, mentioning Great Britain and France as well. Going further into geospatial analysis, strategic ABM factor is accounted and the role of global ABM is estimated for future treaties. Numerical estimates of nuclear potentials of third countries – incomparable to the current numbers in possession of two main nuclear powers – performed specifically.

Based on the analysis provided we can effectively deny the possibility of multilateral agreements for future deterrence scenarios. However, some steps for involving third countries into the global process of nuclear regulations can be outlined. This includes a number of bilateral agreements for arms control in certain regions, specifically developed to form a system of treaties aimed for global tensions reduction moving towards a safer world in the 21st century.

Key words: Nuclear weapons, strategic deterrence, international treaties, START, New START, foreign policy, multilateral agreements, multilateral treaties.

References

1. Arbatov A.G. Mnogostoronnee iadernoe razoruzhenie [Multilateral Nuclear Disarmament]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. 25. 05. 2012. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2012-05-25/1_nuclear.html. (accessed 18. 08. 2016). (In Russian).
2. Vil'danov M.P. Neravnopravnoe partnerstvo [Unequal partnership]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. 22 04 2016. URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2016-04-22/1_partnership.html (accessed 18. 08. 2016). (In Russian).
3. Dvorkin V.A. Iadernyi psikhoz: komu on nuzhen? Stsenarii napadeniia NATO na Rossiiu i naoborot – polnyi absurd [Nuclear psychosis: who needs it? NATO attack on Russia, and vice versa - is absurd]. *Voennopromyshlennyy kur'er*. 29 07 2015. No. 28 (594). URL: <http://vpk-news.ru/articles/26289> (accessed 18. 08. 2016). (In Russian).
4. Kozin V.P. Kliuchevye problemy (SNV, TlaO, PRO, DOVSE) [Key issues (START, tactical nuclear weapons, missile defense, the CFE Treaty)]. *Analitika RISI*. 22 01 2014. URL: <http://riss.ru/analytcs/4702/> (accessed 18. 08. 2016). (In Russian).
5. Kozin V.P. Anakonda PRO SShA [Anaconda of US antimissiles]. *Segodnia.ru*. 19 08 2015. URL: <http://www.segodnia.ru/content/165225> (accessed 18. 08. 2016). (In Russian).
6. Kozin V.P. Moskva i Parizh: vzaimnyi otkaz ot pervogo iadernogo udara [Moscow and Paris: mutual renunciation of nuclear first strike]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. 02 04 2012. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2012-03-30/7_msk_paris.html (accessed 18. 08. 2016). (In Russian).
7. Novaia nestabil'nost' [The new instability]. *Kommersant' Den'gi*. 16.05.2016. №19. P. 53. URL: <http://kommersant.ru/doc/2978917> (accessed 18. 08. 2016). (In Russian).
8. Ostroukhov I., Sosnovskii M., D'iachenko V.V. Effektivnost' iadernykh sil nado povysit' [Efficiency of nuclear forces should be raised] *Natsional'naya oborona*. 2016. № 7. URL: <http://www.nationaldefense.ru/includes/periodics/armedforces/2014/1017/145314357/detail.shtml> (accessed 18. 08. 2016). (In Russian).
9. *Otkaz ot konfrontatsii. Vozvrashchenie k sderzhannosti i dialogu mezhdru Rossiei i Zapadom* [Away from confrontation. Return for restraint and dialogue between Russia and the West]. Komissiya po problemam glubokogo sokrashcheniia iadernogo oruzhiia. Institut issledovaniy problem mira i politiki bezopasnosti pri Gamburgskom universitete, 2016. URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/events/2016/DeepCuts-ThirdReport-June2016-RZ_RUS.pdf (accessed 18. 08. 2016). (In Russian).
10. *Zaiavlenie Rossiiskoi Federatsii otnositel'no protivoraketnoi oborony* [Declaration by the Russian Federation on missile defense]. Web site of the President of the Russian Federation, 2010. URL: <http://kremlin.ru/supplement/511> (accessed 18. 08. 2016). (In Russian).
11. Civiak R. *The Reliable Replacement Warhead Program*. Livermore: Tri-Valley CAREs, 2006. 30 p. URL: http://www.trivalleycares.org/tvc_rrw_fnl.pdf (accessed 18. 08. 2016).
12. Delpech Th. *Nuclear Deterrence in the 21st Century*. Santa Monica: RAND Corporation, 2012. 181 p. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2012/RAND_MG1103.pdf (accessed 18. 08. 2016).
13. Kaplan F. Rethinking Nuclear Policy. *Foreign Affairs*. September-October 2016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2016-08-01/rethinking-nuclear-policy> (accessed 18. 08. 2016).

About the author

Vitaliy Kabernik – Member of the PIR Center EKS Working Group on International Information Security and Global Internet Governance. E-mail: vic.veter@gmail.com.

This article is prepared with the financial support of RSF №14-18-02973.